

Т. И. Морозова, В. И. Шишкин

Коммунистическая партия большевиков как советский социальный лифт в условиях новой экономической политики

***Морозова Татьяна
Игоревна***

канд. ист. наук,
науч. сотр., Институт
истории Сибирского
отделения РАН
(Новосибирск, Россия)

***Шишкин
Владимир
Иванович***

д-р ист. наук,
проф., гл. науч.
сотр., Институт
истории Сибирского
отделения РАН;
проф., Новосибирский
государственный
университет
(Новосибирск, Россия)

Стратификация и динамика любой общественной системы во многом детерминируются наличием и функционированием в ней совокупности социальных лифтов — разного рода институтов, обеспечивающих восходящую и нисходящую мобильность не только отдельных индивидов, но и целых социальных групп. Количество таких лифтов, их субординация, интенсивность, направленность и скорость движения в решающей степени определяются двумя взаимообусловленными факторами: политической системой общества и политическим режимом, выражающим себя в текущей политике.

Вопросы о том, какие социальные лифты существуют, как они функционируют и взаимодействуют, какое влияние оказывают на мобильность и стратификацию современного общества, всегда считались приоритетными в мировой социологической науке. Что же касается исторической науки, в том числе отечественной, то данная проблематика в ней почти не затрагивалась. Между тем давно назрела необходимость и существует возможность воспользоваться наработанными социологами подходами и концептуально-понятийным аппаратом для того, чтобы рассмотреть аналогичные вопросы в исторической ретроспективе. Есть основания прогнозировать, что междисциплинарный анализ в ракурсе даже, казалось бы, давно

изученных проблем позволит увидеть новые грани известного и тем самым обогатит наше знание о прошлом.

Роль и место коммунистической партии в российской политической системе и обществе эпохи нэпа обусловили устойчивый исследовательский интерес к ее истории. Но проблема влияния коммунистической партии на социальные перемещения тех лет специально не изучалась в советской историографии. Она лишь косвенно отражена в ряде публикаций о массовых призывах в Российскую / Всесоюзную коммунистическую партию большевиков (далее — РКП(б), ВКП(б)) рабочих от станка и о выдвижении последних на ответственную партийно-советскую и профсоюзную работу. Советские историки считали, что вступление пролетариев в ряды РКП(б) было массовым, носило исключительно добровольный характер, а выдвиженчество являлось эффективным средством решения кадровых проблем на низовом управленческом уровне. Из трех названных выводов можно с оговоркой согласиться только с первым, тогда как два других грешат явной апологетикой и плохо согласуются с фактами.

В постсоветское время историография коммунистической партии существенно обогатилась исследованиями, посвященными механизмам и инструментам власти в РКП(б) — ВКП(б), бюрократизации и олигархизации ее аппарата, внутрипартийной борьбе, персональным перемещениям на разных этапах партийной иерархии¹. На достоверном фактическом материале российские исследователи подтвердили высказанные в зарубежных (М. Джилас) и эмигрантских (М. С. Восленский) публикациях суждения о существовании партийной номенклатуры, в первом приближении проследили ее генезис и развитие².

Современные российские историки уделили значительное внимание коммунистической элите — высшему эшелону РКП(б) — ВКП(б). Исследователи предприняли успешные попытки проанализировать ее трансформацию в условиях нэпа, выявить базовые принципы отбора на высшие номенклатурные должности в партии³. По мнению большинства коллег, важнейшим критерием при назначении на ответственные должности в то время являлись не обладание специальными знаниями, наличие управленческого опыта или навыков, а исключительно преданность существовавшему режиму.

К исследованию коммунистической партии с точки зрения социальной мобильности одними из первых приступили С. А. Головин и В. Г. Бициоха, независимо друг от друга опубликовавшие две статьи, имеющие, как ни странно, одинаковое название: «Членство в РКП(б) — ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса»⁴. Однако содержание обеих статей не раскрывает заявленную авторами тему. Более того, в них отсутствуют центральные проблемы темы, без анализа которых исследовательская цель не может быть достигнута, в частности даже не ставится вопрос о месте и роли РКП(б) — ВКП(б) в системе советских социальных лифтов. Сформулированные в статьях положения, претендующие на выводы, не вытекают из анализа приведенного фактического материала, а голословно декларируются, в том числе в их названии.

Состояние историографии темы позволяет утверждать, что историки постепенно приближаются к тому, чтобы приступить к анализу РКП(б) — ВКП(б) через призму социальных лифтов. К сожалению, две первые попытки нельзя

признать выполненными грамотно и тем более квалифицированно, а их результаты — плодотворными.

Между тем исследование РКП(б) — ВКП(б) в качестве социального лифта позволит выяснить: за счет каких категорий населения, когда и почему партия формировалась и пополняла свои ряды; какие инструменты и процедуры применяла для регулирования их численности и состава; как и по каким основаниям была стратифицирована; почему одни коммунисты утрачивали членство в партии, тогда как другие, напротив, стремительно поднимались по социальной лестнице вверх, а третьи оставались на положении рядовых членов, «привилегии» которых исчерпывались уплатой членских взносов, посещением партийных собраний и выполнением отдельных партпоручений.

Очередной попыткой приблизиться к пониманию ряда названных вопросов является настоящая статья. В ней ставится задача проанализировать функционирование РКП(б) — ВКП(б) в условиях нэпа в качестве социального лифта советского общества. Выбор объекта исследования объясняется местом большевистской партии, которое она занимала в системе так называемой диктатуры пролетариата. Хронологические рамки обусловлены тем, что после войн и революций 1914–1920 гг. наступил период нэпа — время относительно спокойного развития российского государства и общества, когда социальные лифты получили возможность функционировать не в чрезвычайном, а в относительно нормальном режиме. Надеемся, что решение сформулированной задачи будет также способствовать пониманию того, что представляла собой РКП(б) — ВКП(б) как политический феномен и какое влияние она оказывала на процессы социальной мобильности в советском обществе.

* * *

Большевики, появившиеся в 1903 г. как фракция Российской социал-демократической рабочей партии (далее — РСДРП), изначально позиционировали себя как политическую партию нового типа, созданную и функционирующую на принципах демократического централизма, выражающую коренные интересы пролетариата и революционную по методам борьбы. В действительности РСДРП(б) с первых шагов своего самостоятельного существования строилась как жестко централизованная, максимально дисциплинированная и вождистская по своей сути политическая организация, ядром которой являлись профессиональные революционеры. Ее цели, сформулированные в первой партийной программе, заключались в революционном свержении существующего государственного строя и в последующем установлении так называемой диктатуры пролетариата, другими словами — во взятии государственной власти в России в свои руки.

До Февральской революции партия большевиков, существовавшая в основном нелегально или полуполюгально, находилась на положении политического аутсайдера, а ее влияние на политическую стратификацию российского общества было мизерным. Об этом убедительно свидетельствует то, что численность большевиков ко времени свержения самодержавия составляла всего

23,6 тыс. чел. К VI съезду партии, проходившему в конце июля — начале августа 1917 г., численность рядов РСДРП(б) увеличилась до 240 тыс., а к октябрю 1917 г. достигла почти 350 тыс. чел. В результате по количеству членов она превзошла остальные политические партии России (кроме, видимо, партии эсеров) и из узкой организации профессиональных революционеров превратилась в массовую партию, являвшуюся крупной политической силой. Столь быстрый рост ее численности был обусловлен как повышением общественно-политической активности трудящихся, так и политикой большевиков, прежде всего выдвинутыми ими популярными и популистскими лозунгами.

После Октябрьского переворота РСДРП(б), опираясь на подконтрольные ей Советы, буквально за несколько месяцев утвердилась в структурах государственной власти, заняв в них доминирующую позицию. Ее цель изменилась, а роль как социального лифта колоссально возросла, что отразилось в переименовании партии в начале марта 1918 г. на VII съезде из социал-демократической в коммунистическую, а также в увеличении численности ее рядов примерно до 400 тыс. чел.

Начало широкомасштабной гражданской войны РКП(б) использовала для дальнейшего укрепления своего положения. Летом 1918 г. она фактически установила в РСФСР однопартийный политический режим. Тем самым в кратчайший срок, немногим превышавший всего лишь один год, большевики преодолели колоссальную социальную дистанцию и заняли в российской политической системе самую высокую позицию. С этого времени вступление в большевистскую партию автоматически означало для сделавшего такой шаг повышение социального статуса и открывало перед ним перспективу не просто карьерного роста, но и — при удачном стечении обстоятельств — карьерного взлета.

К весне 1919 г. РКП(б), по сути, полностью подчинила себе Советы и самую массовую организацию беспартийного пролетариата — профессиональные союзы, лишив их самостоятельности в принятии управленческих решений, установила надежный контроль за коммунистическим союзом молодежи, кооперацией, другими общественными организациями. Тем самым РКП(б) превратилась в ядро советской политической системы. Благодаря этому она стала в РСФСР важнейшим социальным лифтом по формированию новой как партийной, так и советской, военной, профсоюзной, комсомольской, кооперативной элиты разного уровня. Во время гражданской войны отмеченные выше тенденции не только не утратили актуальности и значения, но и получили дополнительные импульсы. «Каждый мало-мальски даровитый организатор, способный работник, — говорилось в письме Центрального комитета (далее — ЦК) РКП(б) от 4 сентября 1920 г., — может найти приложение своим силам [и] занять ответственный пост. Из самых так называемых “низов” легко подняться на более высокую должность»⁵.

Судя по всему, во второй половине 1918 — первой половине 1919 г. численность РКП(б) значительно колебалась. Во всяком случае делегаты проходившего в марте 1919 г. VIII съезда представляли всего 314 тыс. членов партии. Такая флуктуация может быть объяснена резким сокращением подконтрольной

советской власти территории, гибелью нескольких десятков тысяч большевиков на фронтах и перерегистрациями, в ходе которых партия освобождалась от чуждых и неустойчивых элементов. Однако к апрелю 1920 г. численность РКП(б) увеличилась почти вдвое, составив около 612 тыс. чел., а к марту 1921 г. достигла 732,5 тыс. чел.

Во многом такой скачок объяснялся тем, что дополнительные обязательства, накладывавшиеся на членов РКП(б) Уставом, и опасность, грозившая им даже в самые острые моменты Гражданской войны, не шли ни в какое сравнение с теми привилегиями, которые нигде не были официально зафиксированы, но которые реально давала принадлежность к коммунистической партии. Обеспечение жильем, усиленные продуктовые пайки, первоочередное снабжение промышленными товарами и, самое главное, кратчайший путь во властные структуры и на руководящие должности в государственных и общественных институтах являлись привлекательными стимулами для широкого круга самых разных людей — от авантюристов и карьеристов до вульгарных материалистов и рафинированных идеалистов.

Как известно, в целях контроля за состоянием своих рядов и их регулирования большевики применяли разные инструменты. Главным из них изначально был Устав партии. В его первой редакции, принятой в 1903 г. II съездом, членом РСДРП считался каждый, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций. На III съезде большевики изменили заключительную часть этой формулировки, введя для каждого желающего вступить в партию требование входить в одну из ее организаций и работать в ней.

В дальнейшем большевики неоднократно ужесточали условия приема в партию. В соответствии с редакцией Устава, принятой на VI съезде в августе 1917 г., в РСДРП(б) можно было вступить только при наличии рекомендаций двух действительных членов партии. В декабре 1919 г. VIII Всероссийская партийная конференция ввела для вступающих в РКП(б) новую норму — так называемый кандидатский стаж, имевший подготовительно-испытательный характер. В кандидаты принимали при наличии рекомендаций двух членов партии с шестимесячным стажем. Перевод из кандидатов в действительные члены партии допускался для рабочих и крестьян не ранее чем через два месяца, для остальных категорий населения — не ранее шести месяцев. В резолюции X съезда о партийном строительстве кандидатский стаж для всех, кроме рабочих и крестьян, рекомендовалось увеличить с шести месяцев до одного года. Вдвое больший партийный стаж устанавливался также для коммунистов, имевших право давать рекомендации желающим вступить в РКП(б). Все эти уставные меры играли роль своеобразного фильтра «на входе» в социальный лифт.

Увеличение численности РКП(б) сопровождалось усилением разнородности ее состава за счет выходцев из других партий, непролетарских слоев населения, национальных меньшинств и женщин, что автоматически повлекло за собой усложнение организационной структуры. Весной 1918 г. РКП(б) имела

в основном два-три яруса, т. е., как правило, первичные организации во главе с местным комитетом и Центральный комитет. Лишь в ряде случаев их дополняли районные, городские, губернские и/или областные комитеты. За время Гражданской войны количество ярусов значительно увеличилось. Это привело к серьезному изменению профиля всей партийной пирамиды: она стала намного более высокой, крутой и достаточно четко стратифицированной.

Основание партийной пирамиды составляли коммунистические ячейки (коллективы), существовавшие в сельских населенных пунктах, на заводах и фабриках, в учреждениях и воинских частях. В сельской местности комячейки объединялись в волостные организации, в городах — в районные; волостные организации, в свою очередь, составляли уездные, районные — городские, городские и уездные — губернские, губернские — областные/краевые или республиканские партийные организации, во главе которых стояли соответствующие руководящие органы — выборные комитеты или назначенные бюро.

Каждый комитет и бюро располагали соответствующим количеством ответственных работников и исполнительным аппаратом, включая рядовой политический и технический персонал. В конце 1920 г. в волостных комитетах, как правило, работали три человека, один из которых — секретарь — был освобожденным партработником. Штаты уездных комитетов колебались в зависимости от количества в уездах районов и волостей в пределах 25–35 чел., 15–25 из которых занимались партийной работой. Штаты губернских комитетов достигали уже пяти десятков человек, 33–35 из которых являлись ответственными сотрудниками⁶. Что касается секретариата ЦК, то на 1 февраля 1921 г. он насчитывал 602 чел., половину из которых составляли ответственные партийные работники: заведующие отделами, подотделами, секциями и инструкторы⁷.

Венчал эту пирамиду РКП(б) Центральный комитет, численность членов которого вместе с кандидатами в члены ЦК в 1918–1920 гг. не превышала трех десятков человек, и избранные из его членов две узкие коллегии: Организационное бюро и Политическое бюро ЦК. В апреле 1920 г. В. И. Ленин был вынужден признать, что в партии существовала «самая настоящая “олигархия”»⁸. То, что В. И. Ленин заключил термин «олигархия» в кавычки, не меняло сути дела.

* * *

Победоносное окончание Гражданской войны и переход к нэпу с неизбежностью вызвали необходимость произвести инвентаризацию и ревизию всего партийного хозяйства в целях его адаптации к новым условиям. К этому же подталкивал и острейший внутривнутрипартийный кризис, выразившийся в ослаблении партийной дисциплины и связей с рабочей массой, в «закомиссаривании» части коммунистов и их злоупотреблении властью, в бюрократизации партийного аппарата и расширении его привилегий, в расколе партии на «верхи» и «низы», в склоках, возникновении группировок и даже фракций. Некоторые большевики из «старой партийной гвардии», работавшие в советских органах и в профсоюзах, выражали недовольство тем, что оказались отодвинуты на второй план теми, кто служил в партийном аппарате.

Однако единства мнений по вопросу о том, как выйти из кризиса, в партийных верхах не имелось. Существовавшая еще со времен IX съезда оппозиционная группа «демократического централизма» предлагала для оздоровления ситуации произвести перерегистрацию членов партии, вступивших в нее после Октябрьского переворота. Образовавшаяся в конце 1920 г. так называемая рабочая оппозиция считала необходимой для освобождения от некоммунистических элементов осуществить тотальную чистку всей РКП(б). В. И. Ленина и его ближайшее окружение больше всего беспокоило то, что партия стала менее монолитной, дисциплинированной и послушной. Такое состояние РКП(б) грозило потерей управления органами государственной власти и другими «приводными ремнями», составлявшими политическую систему диктатуры пролетариата.

Для нормализации внутривнутрипартийной ситуации, восстановления единства и в целях сохранения власти в руках РКП(б) X съезд пошел на принятие ряда жестких решений, одни из которых инициировал В. И. Ленин, другие предложили «рабочая оппозиция» и «децисты». Главными из них были требования распустить фракционные группы, ужесточить дисциплину, установить в партии режим «рабочей демократии» и провести ее чистку «от некоммунистических элементов»⁹.

Для корректировки численности и состава рядов РКП(б) ее руководство в очередной раз решило прибегнуть к чрезвычайным, неуставным мерам. Раньше такую функцию неоднократно выполняли мобилизации на военный и на продовольственный фронты, перерегистрации, необходимость состоять в коммунистических частях особого назначения и участвовать в субботниках. Во второй половине 1920 г. довольно часто локальные перерегистрации и чистки проводились по инициативе областных/краевых и губернских руководящих органов в связи с введением системы единого партийного билета. Но они носили во многом формальный характер и нередко сводились к простой проверке знания Программы и Устава РКП(б) у проходивших переаттестацию.

На этот раз в соответствии с решением X съезда, после длительной подготовки, 25 июня 1921 г. Политбюро ЦК приняло постановление, согласно которому с 1 августа по 1 октября партийные организации должны были провести проверку всего личного состава. Проверке, которая затянулась до конца 1921 г. и получила название «генеральная чистка», подлежали все члены партии независимо от должности, стажа и социального происхождения. На время этой кампании прием новых членов в РКП(б) временно приостанавливался.

В ходе чистки из партии выбыло 166,7 тыс. чел. Большую их часть составили исключенные проверочными комиссиями и 17,8 тыс. — вышедшие добровольно. 96,0 % всех выбывших оказались «молодыми» коммунистами, вступившими в РКП(б) не ранее 1918 г. По социальному положению 44,8 % исключенных являлись крестьянами, 23,8 % — служащими и лицами свободных профессий, 20,4 % — наемными рабочими и 11,0 % были отнесены к категории прочих¹⁰.

Большинство лишившихся партийного билета были элементарно неграмотными и малограмотными крестьянами и рабочими, многие из которых в РКП(б) состояли формально, а иногда даже не числились на учете. Они без

сожаления и каких-либо последствий для себя утратили имевшийся у них привилегированный статус и вернулись в категорию беспартийных. В принципе едва ли эти люди могли адекватно ощутить такую потерю, поскольку не понимали ни цели, ни значения существования РКП(б), ни своего смысла пребывания в ней, тяготились партийными обязанностями. Их выбытие практически не повлияло на дееспособность РКП(б).

Исключение из РКП(б) нескольких тысяч ответственных и политических работников, в основном являвшихся интеллигентами и служащими, для большинства из них стало финалом активной политической жизни и закатом карьеры. Оно серьезно повлияло на состояние партийно-советской элиты уездного и губернского масштаба, понизило ее образовательный и интеллектуальный уровень. Вследствие чистки возникло несколько тысяч вакансий в партийных, советских, хозяйственных и военных органах. Это открыло возможности для занятия руководящих должностей рядовыми большевиками и для продвижения по службе тех из них, кто был амбициозен, жаждал власти, подтвердил свою преданность активным участием в реальных делах. Однако столь серьезное дело РКП(б) не могла пустить и не пустила на самотек. Путь вверх довольно жестко контролировало партийное руководство, осуществляя подбор и распределение кадров.

Правда, первоначально подбор и назначение кадров на освободившиеся должности серьезно затруднялись отсутствием отлаженной системы партийного учета. Попытка составить специальный карточный указатель на всех руководящих работников была предпринята учетно-распределительным отделом ЦК РКП(б) еще в начале 1921 г.¹¹ Тогда Центральному комитету удалось взять на учет только 2254 чел.¹², что, конечно, не позволяло получить сколько-нибудь полное и ясное представление о партийном аппарате на местах.

Стремясь укрепить руководство местными парторганизациями, в начале апреля 1921 г. учраспредотдел ЦК обязал губкомы ежемесячно высылать в Москву анкеты и характеристики на каждого губернского работника с указанием того, для какой отрасли (партийной, советской, хозяйственной, профессиональной или военной) он наиболее подходит, какой вид деятельности (организационную, административную или агитационную) способен лучше всего выполнять, имеет ли теоретическую подготовку. Но требуемые материалы поступали в ЦК настолько нерегулярно, что 24 мая 1921 г. Центральный комитет распорядился провести в губерниях и уездах перепись ответственных работников «по наличию на 1 июля т[екущего] г[ода]»¹³. Почему аппарат ЦК, уже занимавшийся подготовкой к чистке РКП(б), тем не менее принял решение о проведении переписи, не до конца понятно. Скорее всего, учраспредотдел ЦК рассчитывал осуществить кампанию в максимально короткий срок и получить полные сведения о руководящих кадрах губерний еще до начала проверки партийных рядов. Материалы переписи предполагалось положить в основу всей учетной системы, в дальнейшем ежемесячно фиксируя все происходившие изменения: снятие с должности одних работников и назначение других.

На практике, однако, все оказалось совсем иначе. За первую неделю июля 1921 г. губкомы не успели не только провести перепись, но даже ознакомиться

с необходимыми для этого материалами. Поэтому начало кампании было отложено на 15 июля. Нереализованной оказалась и ключевая идея переписи — единовременное ее проведение, которое позволило бы получить сведения «по наличию» на конкретную дату. Из-за отсутствия опыта и низкой квалификации сотрудников учетных подразделов губкомов кампания затянулась до поздней осени 1921 г.

Всего за время переписи в ЦК поступили материалы примерно на 26 тыс. ответственных работников. Охарактеризовав полученный материал как «пестрый по качеству», учраспредотдел ЦК признал пригодными для изучения только 14,8 тыс. личных листков. На основе столь неполных данных ЦК попытался охарактеризовать руководящие кадры по таким параметрам, как пол, возраст, социальное положение, партийный стаж, уровень образования, профессия и национальность¹⁴. Но поскольку в ходе «генеральной чистки» РКП(б) в ряде губерний и уездов партийные и советские аппараты лишились значительной части ответственных работников, полученные сведения почти сразу же оказались не соответствовавшими действительности. В отчете за октябрь — ноябрь 1921 г. учетно-распределительный отдел ЦК открыто признал: «Проверка и чистка партии внесла очень большие изменения в состав ответственных работников (исключение, перевод на неотчетливую работу и т. д.). Проследить сейчас за этими изменениями нет никакой возможности»¹⁵.

* * *

Несмотря на то что перепись ответственных работников не позволила составить полного и достоверного представления о руководящих кадрах губерний и уездов, значение ее оказалось весьма существенным. Именно благодаря проведению этой кампании учраспредотдел ЦК выработал новые принципы учета, подбора и распределения кадров. Во-первых, в ходе переписи было принято решение систематизировать личные листки по учету кадров в 14 групп в соответствии со специализацией работников¹⁶. Во-вторых, обязательной стала практика прикрепления кадров к одной из трех категорий: работники «губернского и выше масштаба», работники уездного уровня и так называемый резерв, который составляли лица, не занимавшие на момент учета ответственных постов, но способные к руководящей работе¹⁷. Формирование резерва должно было сократить число случайных назначений и обеспечить продвижение вверх прежде всего уже известных, наиболее способных и подготовленных аппаратчиков.

Принципы, сформулированные в ходе переписи, получили поддержку на состоявшемся в ЦК РКП(б) 27–29 декабря 1921 г. совещании секретарей областных бюро, областных и губернских комитетов партии. В первую очередь совещание постановило «ограничить учет, производимый высшими партийными органами, лишь учетом руководящего состава партии»¹⁸. В обязанность аппарату ЦК вменялись сбор и систематизация сведений исключительно на ответственных работников центрального, областного, губернского и уездного уровней. Губкомам партии был поручен персональный учет кадров только губернского, уездного и районного уровней. Учет рядовых членов партии рекомендовалось

сосредоточить в уездных комитетах, получивших право их распределения без санкции ЦК.

Вторым важным решением совещания стало утверждение так называемой учетной сетки ответственных работников отдельно для губернского и уездного уровней. В ее основу были положены 14 групп, сформированных во время переписи «соответственно практическому опыту, стажу, наклонностям и способностям работников»¹⁹. В каждой группе было от двух до семи подгрупп — должностей, обозначавшихся буквами русского алфавита от «а» до «ж». Первую группу составили ответственный секретарь и заведующие основными отделами парткома, вторую — руководящие работники партийного просвещения, третью — председатель и члены президиума исполкома Советов и т. д.²⁰ Важной особенностью учетной сетки было то, что она охватывала не только партийные и советские, но и хозяйственные, профсоюзные и кооперативные должности. Прикрепление к группам и подгруппам учетной сетки осуществлялось специальными аттестационными комиссиями, решения которых утверждали губкомы партии²¹.

Создание учетной сетки оказалось переломным событием в кадровой политике РКП(б). Впервые переброске ответственных работников из учреждения в учреждение и из губернии в губернию стало предшествовать выяснение того, какие должности являются вакантными и работники какой квалификации требуются для их замещения. Не позднее чем с мая 1922 г. учетно-распределительный отдел ЦК, руководствуясь учетной сеткой, ежемесячно стал составлять так называемые сводки спроса на партийных и советских работников, в которых фиксировалось, когда, от кого и на каких работников поступил запрос, а также сколько человек и куда именно необходимо направить для его удовлетворения²².

По мнению участников совещания, прикрепление руководящих кадров к одной из групп с учетом их специализации должно было обеспечить «широкую возможность движения на более ответственную работу по данной отрасли»²³. Парткомам рекомендовалось заранее подбирать возможных заместителей на освобождавшиеся посты из числа лиц, занимавших должности низшего уровня. Облегчить решение этой задачи должно было формирование резерва ответственных работников. Новый порядок обеспечивал более систематический и эффективный подбор кадров и способствовал постепенному упорядочиванию вертикальных перемещений. Однако механизм продвижения вверх по карьерной лестнице — прежде всего вопрос о том, кто будет принимать решение о назначении на должность, — оставался открытым и не до конца понятным даже для сотрудников учраспредотдела ЦК.

Самые общие принципы перемещения с должности на должность излагались в письме ЦК РКП(б), опубликованном еще в августе 1921 г.²⁴ Поставив целью увеличение и обновление руководящего состава партии, ЦК вменил в обязанность уездным комитетам РКП(б) на протяжении каждых шести месяцев выдвигать на руководящую работу губернского масштаба не менее 10 % всех ответственных работников уезда. Для этого уездный комитет должен был подобрать подходящие с его точки зрения кандидатуры, составить на каждого работника специальную аттестационную карточку и направить ее на рассмотрение в губком.

По аналогичной схеме должны были действовать партийные ячейки и фракции, в обязанности которых входило выдвижение работников районного и уездного масштабов. Но вопрос о том, кто именно и на каком основании подлежал выдвижению, ЦК пока никак не регламентировал, и он оставался на усмотрение местных партийных органов.

Первой должностью в партийном аппарате, избрание на которую подверглось официальной и публичной регламентации со стороны ЦК, стали секретари губернских и уездных комитетов РКП(б). Почему выбор пал именно на эту категорию профессиональных партработников, в принципе ясно. В сложившейся к тому времени жестко централизованной вертикали «ЦК — губкомы — укомы» именно секретари являлись ключевой фигурой и главными проводниками политики центра на местах. Высшее партийное руководство под предлогом укрепления связи с губкомом уже с ноября 1921 г. стало время от времени вызывать на заседания пленумов ЦК секретарей отдельных губкомов с докладами о положении в подотчетных им организациях²⁵. Такие приглашения одновременно были не чем иным, как своеобразными «смотринами» цекистами тех, кто находился на уровень ниже их, и позволяли составить представление о секретарском корпусе губернского уровня.

Видимо, ЦК оказался не в полной мере удовлетворен его составом в связи с той ответственностью, которая возлагалась на секретарей губкомов, что и послужило основанием для предъявления к ним повышенного уставного требования. В качестве критерия, позволявшего занять секретарскую должность, предлагался партийный стаж. Состоявшаяся 19–22 декабря 1921 г. XI Всероссийская партийная конференция приняла решение, согласно которому секретарями губкомов РКП(б) могли стать только коммунисты, вступившие в партию до Октябрьской революции 1917 г. Для занятия должности секретаря уездного комитета обязательным считалось трехлетнее пребывание в партии²⁶. Партийный стаж являлся очень простым, понятным, но в то же время в значительной мере формальным показателем. Он свидетельствовал о сроке приверженности секретаря большевистским идеям, но ничего не говорил о его руководящих способностях и авторитете среди товарищей по партии. Первое для ЦК было, безусловно, важнее, чем второе и третье, вместе взятые.

По результатам переписи ответственных работников из 14,8 тыс. коммунистов дооктябрьский партийный стаж имели только 2897 чел.²⁷ Это означало, что критерии, введенные XI конференцией РКП(б), резко ограничили возможности карьерного роста по партийной линии сразу почти для 12 тыс. чел., которые раньше в принципе могли рассчитывать на продвижение вверх. Зато те, кто соответствовал установленному требованию, получили реальный шанс для более быстрого продвижения по партийной лестнице. Наряду с материальными благами и различными льготами в виде отпусков, оплачиваемого лечения и прочих привилегий, секретарь губкома получал нечто более важное — особое доверие со стороны высшего партийного руководства. Подтверждением этого стал циркуляр ЦК РКП(б) от 18 января 1922 г., согласно которому секретарям губернских и областных комитетов вменялось в обязанность ежемесячно направлять в Центральный комитет письменные обзоры политического положения губернии

и/или области²⁸. Составлялись эти обзоры лично секретарем губкома или обкома и представляли собой закрытые письма, в содержание которых не были посвящены даже члены бюро. Новая форма взаимоотношений с ЦК заметно увеличила политический вес секретарей областных бюро/комитетов и губкомов.

В соответствии с решением, принятым XI конференцией РКП(б), учраспредотдел ЦК уже с января 1922 г. начал подготовительную работу по замене тех секретарей губкомов, которые не удовлетворяли требованию дореволюционного партийного стажа, новыми кадрами. Для решения этой задачи наряду с ответственными партийными работниками ЦК стал учитывать так называемых подпольников — членов РКП(б), вступивших в партию до Февральской революции 1917 г. Именно они, как предполагалось, должны были составить основной резерв корпуса секретарей губкомов. За полгода учраспредотдел ЦК завел карточки на 1760 таких коммунистов²⁹. Благодаря собранным сведениям только с 20 мая по 15 июля 1922 г. ему удалось подобрать подходящие кандидатуры сразу для семи губкомов: Акмолинского, Алтайского, Архангельского, Донского, Пензенского, Северо-Двинского и Череповецкого³⁰. Несмотря на то что, согласно Уставу РКП(б), губернские комитеты являлись выборными органами, новые секретари были рекомендованы губкомам Центральным комитетом, что означало их фактическое назначение. Такая подмена выборности назначением позволяла высшему партийному руководству легко продвигать на руководящие должности необходимых ему коммунистов, осуществляя тем самым дополнительный контроль над функционированием социального лифта.

* * *

Укрепляя партийную вертикаль, ЦК пытался одновременно обеспечить монолитность и дисциплинированность РКП(б) в целом. Добиться этого, по представлениям большевиков, можно было прежде всего путем регулирования социального состава партии. Высшее партийное руководство не без основания полагало, что наиболее дисциплинированной категорией населения являются рабочие промышленных предприятий. Благодаря привычке трудиться по установленному графику и соблюдать технологический процесс, они в большинстве своем были более управляемыми и послушными, чем крестьяне или интеллигенты.

Исходя из этого, 2 апреля 1922 г. XI съезд РКП(б) ввел различные критерии приема в РКП(б): для рабочих и красноармейцев из рабочих и крестьян; для крестьян (кроме красноармейцев) и кустарей, не эксплуатировавших чужого труда; для служащих и «прочих». Для первой группы были установлены льготные условия: рекомендация трех членов РКП(б) с трехлетним партийным стажем и окончательное утверждение уездным или районным парткомом. Крестьяне и кустари также могли стать членами партии при предоставлении трех рекомендаций коммунистов с трехлетним стажем, однако только с санкции губкома. Для приема по третьей категории обязательным являлось предоставление рекомендаций пяти коммунистов с пятилетним партийным стажем и положительное решение губкома. Такие же условия вступления в РКП(б), как

служащим, были предъявлены «выходцам» из других партий, к которым большевики всегда относились с наибольшим недоверием. Кандидатский стаж для рабочих был определен в шесть месяцев, для крестьян и кустарей — один год, для служащих и «прочих» — два года³¹. Установленные условия приема ощутимо ограничили вступление в РКП(б) новых членов. Особенно они повлияли на крестьян, проживавших в отдаленных деревнях, где, как правило, отсутствовали коммунисты с трехлетним партийным стажем, которые могли бы дать необходимые для вступления в РКП(б) рекомендации.

Сокращение темпов приема в партию в то же время сопровождалось добровольными выходами из ее рядов, заметно усилившимися с утверждением нэпа. Получив возможность ведения частной торговли и расширения личного хозяйства, некоторые рядовые коммунисты стали тяготиться отнимавшими время партийными обязанностями и необходимостью ведения так называемого коммунистического образа жизни. Заявления о выходе из РКП(б) подавали даже отдельные большевики с дореволюционным стажем, правда, совсем по другой причине: они восприняли нэп как свидетельство контрреволюционного перерождения партии. В результате с марта 1922 по январь 1923 г. общая численность РКП(б) не только не выросла, но даже уменьшилась с 532,0 тыс. до 485,6 тыс. чел.³²

Установление дополнительных фильтров на входе в партию, уменьшение ее рядов и осуществлявшаяся параллельно работа по учету и распределению руководящих кадров, с одной стороны, делали РКП(б) более дисциплинированной и управляемой, а с другой — неуклонно вели к ее бюрократизации. Еще в конце марта 1922 г. в ходе дискуссии, открытой накануне XI съезда РКП(б), в газете «Правда» была опубликована статья некоего С. Орлинского. Автор писал: «Целый ряд мер, направленных к тому, чтобы создать более однородный и более высокий в качественном отношении состав партии, оправдываемый историческим моментом, в котором приходится партии руководить жизнью страны, ведет в то же самое время к другой крайности — превращению партии в касту, к созданию целого ряда перегородок и разрядов внутри партии»³³.

Вместе с тем именно создание таких внутренних организационных перегородок и возникновение из некогда относительно однородной массы рядовых членов партии «разрядов», приведших, по утверждению С. Орлинского, к «колоссальному неравенству» в РКП(б), способствовали ее превращению в многоэтажный и сложный социальный лифт, в наибольшей степени адекватный тому обществу, строительством которого занялись большевики, взяв государственную власть в свои руки. Казарменный тип социализма требовал жесткой субординации всей конструкции политической системы «диктатуры пролетариата», выделения на всех этажах возводимого ими здания разного рода привилегированных групп ответственных сотрудников и руководителей. Прежде всего такие группы должны были возникнуть и оформиться внутри РКП(б). Институционализация внутрипартийного неравенства и наличие на разных этажах партийной пирамиды профессиональных аппаратчиков стали важнейшими характеристиками нового профиля, который РКП(б) стала стремительно обретать после перехода к нэпу.

Свидетельством повсеместной бюрократизации являлось быстрое разрастание партийного и советского аппаратов в центре и на местах. Еще весной 1922 г. ЦК разослал губернским и областным комитетам, а также областным бюро ЦК РКП(б) циркуляр, в котором сообщил: «За последнее время наметилась тенденция со стороны некоторых парторганизаций к расширению существующей сетки группового деления ответственных работников без санкции ЦК, что в корне нарушает постановку единой системы учета»³⁴. В качестве временной меры ЦК внес небольшие изменения в существовавшую учетную сетку, включив в нее председателей трестов государственного значения, заведующих отделами по работе среди женщин губкомов РКП(б) и заведующих отделами социального страхования. Однако для решения возникшей проблемы в долгосрочной перспективе требовался новый подход к постановке учетной и распределительной работы.

Основные черты этого подхода еще в начале 1923 г. обозначил заведующий учраспредотделом ЦК С. И. Сырцов. По его мнению, ближайшей задачей была выработка новой учетной сетки, «достаточно гибкой» для того, чтобы «вместить будущие возможные изменения»³⁵. Повторив эту установку на состоявшемся 9–10 февраля совещании заведующих учетно-статистическими отделами губкомов РКП(б), С. И. Сырцов также заявил о необходимости создать «особую систему», которая объединяла бы партийный и советский учет³⁶.

Актуальность поставленной задачи два с половиной месяца спустя подтвердил XII съезд РКП(б). Резолюция по организационному вопросу, принятая 25 апреля 1923 г., требовала усиления партийного руководства всеми институтами, входившими в систему диктатуры пролетариата, путем «правильной и всесторонне поставленной системы учета и подбора руководителей и ответственных работников советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных организаций»³⁷. Можно утверждать, что именно эта директива положила начало трансформации учетной сетки ответственных работников в так называемые номенклатурные списки.

Довольно распространенное в российской историографии представление о том, что партийно-советская номенклатура была создана 12 ноября 1923 г., когда Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило два списка ответственных работников, явно ошибочно. На самом деле, руководствуясь решением XII съезда РКП(б), ЦК приступил к составлению номенклатур центральных учреждений уже в начале мая. Согласно данным учраспредотдела ЦК, за май — июнь 1923 г. в номенклатуры внесли 3797 должностей³⁸. Следовательно, не только составление списков, но и применение по отношению к ним термина «номенклатура» относится самое позднее к лету 1923 г.

В основу номенклатурной системы были положены два списка, получившие в партийном делопроизводстве названия «номенклатура № 1» и «номенклатура № 2». Назначения на должности из первого списка производились исключительно по решению ЦК РКП(б), из второго — по согласованию с ЦК. К концу октября 1923 г. на номенклатурном учете ЦК РКП(б) состояли в общей сложности 5562 должности ста центральных учреждений. Отчитываясь о проделанной работе за сентябрь — октябрь 1923 г., учетно-распределительный отдел ЦК сообщал: «За отчетный период был окончательно разработан вопрос

о постановке учета в госорганах, выработана инструкция о порядке согласования перемещений и назначений ответственных работников местных парторганизаций и установлен единый список должностей госорганов, назначение работников на которые не должно производиться без постановления Центрального комитета партии»³⁹. Тем самым 12 ноября 1923 г. Оргбюро ЦК РКП(б), утвердив два номенклатурных списка, лишь закрепило порядок, выработанный и частично уже проведенный в жизнь со времени XII партийного съезда.

Создание партийно-советской номенклатуры легитимировало право РКП(б) назначать работников на ответственные посты в советских, профсоюзных, хозяйственных и прочих органах. Благодаря этому большевистская партия не только функционировала как социальный лифт, предоставлявший возможность коммунистам осуществлять внутрипартийные восходяще-нисходящие вертикальные перемещения, но и стала важнейшим механизмом, позволявшим ответственным работникам производить горизонтальные переходы и попадать сразу на довольно высокие этажи других социальных лифтов, минуя их более низкие уровни. Для того чтобы возглавить, например, губисполком Советов, совсем не обязательно было проходить длительный карьерный путь по советской линии. Номенклатурная система подбора и назначения кадров давала возможность переводить ответственных работников из одного лифта в другой — из партийного в советский, военный, профсоюзный и наоборот — практически на любом из существовавших этажей.

Становление номенклатурного принципа, явно противоречившего демократической практике выборов руководящих органов, неизбежно вело к бюрократизации как партийного, так и советского аппаратов. Недовольные сложившимся положением 46 «старых» большевиков 15 октября 1923 г. обратились в Политбюро ЦК с письмом, в котором констатировали «прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и мирян, на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни»⁴⁰. Развернувшаяся по этому поводу почти двухмесячная дискуссия между единомышленниками Л. Д. Троцкого с одной стороны и приверженцами И. В. Сталина с другой серьезно обострила и без того ожесточенную внутрипартийную борьбу.

В этих условиях И. В. Сталин и его сторонники предприняли попытку укрепить свое положение, используя регулирование численности и состава партии. На состоявшейся 16–18 января 1924 г. XIII конференции РКП(б), которая подвела первые официальные итоги внутрипартийной дискуссии, член Центральной контрольной комиссии (далее — ЦКК) РКП(б) Е. М. Ярославский публично обвинил сторонников оппозиции в ориентации не на рабочих, а на учащуюся молодежь⁴¹. Приписанное Л. Д. Троцкому противопоставление пролетариата и интеллигенции стало одним из ключевых аргументов, обусловивших провозглашение сталинским большинством курса на стремительное увеличение пролетарского ядра партии. Принятая по итогам конференции резолюция объявляла необходимым в течение года «из числа коренных пролетариев привлечь в ряды РКП(б) не менее чем 100 тыс. новых членов»⁴². Мощным катализатором этого процесса, позволившим скорректировать в сторону уве-

личения заявленные масштабы пополнения и темпы, стала смерть В. И. Ленина. Уже 29 января 1924 г. пленум ЦК принял постановление «о приеме рабочих от станка в партию», определившее трехмесячный срок проведения кампании, на время которого прием всех непролетарских элементов в РКП(б) был официально приостановлен⁴³.

Предварительные итоги инспирированного сверху «ленинского призыва» подвели в конце мая 1924 г. на XIII съезде РКП(б). Из доклада мандатной комиссии, с которым выступил заведующий организационно-распределительным отделом ЦК Л. М. Каганович, следовало, что в ответ на «ильичеву смерть» в партию вступил 241 591 чел. Однако эта цифра была явно завышена. По официальным данным статистического отдела ЦК, опубликованным в октябре того же года, за февраль — май 1924 г. численность кандидатов в члены РКП(б) выросла на 180 тыс. чел.⁴⁴ Правда, в отдаленных районах СССР массовый прием рабочих в партию продолжался до августа 1924 г. К тому времени общая численность кандидатов «ленинского призыва» достигла 203 тыс. чел.⁴⁵ Столь интенсивное вступление промышленных рабочих в ряды РКП(б) сталинское большинство ЦК представило в качестве доказательства того, что утверждения оппозиции об отрыве партии от масс абсолютно несостоятельны.

Параллельно с «ленинским призывом» в РКП(б) сторонники И. В. Сталина инициировали еще одну массовую кампанию, также имевшую антитроцкистскую направленность. Речь идет о так называемой проверке непроизводительных ячеек, решение о проведении которой Политбюро ЦК приняло 6 марта 1924 г. Официально целью кампании было объявлено удаление из партии «чуждого элемента, являющегося партийным балластом»⁴⁶. В соответствии со специальной инструкцией проверка распространялась только на советские и вузовские ячейки РКП(б), т. е. как раз на те, в которых Л. Д. Троцкий пользовался наибольшей поддержкой. 1 апреля 1924 г. в личном письме на имя Е. М. Ярославского один из лидеров троцкистской оппозиции Е. А. Преображенский писал: «Я высказывал мысль и продолжаю быть того мнения, что проводимая ныне чистка связана с борьбой с оппозицией». Далее Е. А. Преображенский убедительно обосновал свою точку зрения, обращая внимание на то, что чистка непроизводительных ячеек была намечена после внутрипартийной дискуссии конца 1923 г. и охватила города, в которых было принято больше всего оппозиционных резолюций, а в Москве началась именно с «оппозиционных ячеек»⁴⁷.

Всего к концу 1925 г. чистку прошли 217 тыс. чел., что составило почти 21,0 % общей численности РКП(б). Из них к партийной ответственности были привлечены 39 тыс. чел., или 18,0 % всех прошедших проверку. В том числе 12,8 тыс. чел., или 5,9 % проверенных, были исключены из РКП(б)⁴⁸. В качестве официальных причин исключения из партии ЦК РКП(б) назвала некоммунистические поступки, отрыв от партии и пассивность, мещанский образ жизни, карьеризм, уголовные преступления. После рассмотрения контрольными комиссиями поданных апелляций общее число исключенных сократилось до 5,8 тыс. чел., или 2,7 % всех прошедших чистку⁴⁹. Среди окончательно исключенных из РКП(б) почти 1,6 тыс. чел. составили партийные, советские, профсоюзные, хозяйственные, кооперативные и военные ответственные работники⁵⁰.

* * *

Прием в РКП(б) почти двухсот тысяч рабочих и происходившая параллельно чистка непроизводительных ячеек актуализировали задачу выдвижения на освободившиеся должности новых кадров, которые могли бы стать надежной опорой для проведения генеральной линии партии. Основные направления этой деятельности были заданы XIII съездом РКП(б), принявшим целый ряд решений, нацеленных на постепенное вытеснение «старой гвардии» более молодой генерацией коммунистов, обязанных своим положением и продвижением наверх партийному руководству. Во-первых, по предложению И. В. Сталина съезд сократил обязательный партийный стаж для секретарей губкомов с дореволюционного до шестилетнего. Во-вторых, в качестве одной из неотложных задач было провозглашено выдвижение рабочих «ленинского призыва» на ответственные посты в партийных, государственных, профессиональных, кооперативных и прочих органах. В-третьих, съезд признал необходимым расширение состава партийных комитетов разных уровней за счет избрания в них рабочих «от станка»⁵¹.

Успешнее всего районные, уездные, окружные, губернские, областные/краевые комитеты партии справились с последней задачей. Так, в составе пленума Сибирского крайкома РКП(б) — ВКП(б) с мая 1924 г. по март 1929 г. число рабочих, непосредственно занятых на производстве, выросло с 3 до 26 чел., а удельный вес — с 6,2 до 20,8 % соответственно. Еще быстрее доля рабочих «от станка» увеличивалась в губернских, окружных, уездных и районных комитетах партии. Достигался этот рост в большинстве случаев за счет увеличения общей численности парткомов, что позволяло в основном выполнять директиву XIII съезда РКП(б) и в то же время не затрагивало состав бюро партийных комитетов. Как следствие, несмотря на избрание рабочих в руководящие органы, принятие основных решений по-прежнему оставалось за узкой группой профессиональных партийных кадров. Тем не менее для самих рабочих членство в парткомах разных уровней означало повышение социального статуса и морального авторитета среди товарищей.

Гораздо сложнее протекал процесс выдвижения «молодых» коммунистов на ответственную работу. По данным информационного отдела ЦК РКП(б) на 1 сентября 1924 г., удельный вес выдвиженцев варьировался по разным парторганизациям в диапазоне от 20 до 80 %⁵². Однако, судя по всему, эти сведения неточно отражали реальное положение. На состоявшемся 11 августа 1924 г. заседании специальной комиссии по работе с «ленинским призывом» с докладом о результатах кампании выступил заместитель председателя комиссии С. И. Сырцов, к тому времени занимавший пост заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б). Опираясь на трехлетний опыт работы в учраспредотделе ЦК, он заявил: «С мест от губкомов получают сведения, что вовлечение в практическую работу довольно большое, но эти проценты являются до известной степени фиктивными»⁵³. В стремлении выполнить директивы съезда губкомы нередко специально создавали различные комиссии, в задачу которых входило исключительно обеспечение работой кандидатов «ленинского призыва». Повышение показателей достигалось также

благодаря тому, что за выдвижение рабочих выдавалось их участие в тех или иных общественных организациях. На этом основании С. И. Сырцов сделал однозначный вывод: «Цифре в 70–80 % вовлеченных верить не приходится»⁵⁴.

Проанализировав недостатки, выявленные в работе местных организаций, 7 февраля 1925 г. ЦК РКП(б) издал циркуляр «О выдвижении и вовлечении в практическую работу вновь вступивших в партию рабочих». Партийным комитетам было поручено придать выдвиженчеству планомерный и систематический характер. Само выдвижение предлагалось проводить с учетом, с одной стороны, потребностей парткомов в тех или иных рабочих, а с другой — возможностей ячеек предложить действительно подходящих кандидатов на вакантные должности. Циркуляр ЦК содержал также указание о том, что выдвижение должно осуществляться непременно «с ответственной работы меньшего масштаба на ответственную работу большего масштаба» по той отрасли, по которой ранее уже работал выдвигаемый коммунист⁵⁵.

Это требование значительно ограничило перспективы карьерного роста рабочих «от станка», которые в большинстве своем не имели никакого опыта ответственной работы. В результате их выдвижение осуществлялось преимущественно на партийные и профсоюзные должности на фабриках и заводах. Вступивших в РКП(б) рабочих избирали членами бюро заводских ячеек, партийными организаторами цехов, членами месткомов и т. п. «Слабее развернута работа по выдвижению молодых товарищей на руководящие работы за пределами предприятия»⁵⁶, — сообщали в апреле 1925 г. «Известия ЦК РКП(б)».

Если результаты работы по выдвижению новых кадров были незначительными, то в борьбе со своими политическими противниками сталинское большинство ЦК, напротив, достигло заметных успехов. Состоявшийся в декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б) поручил партийным организациям «вести решительную борьбу со всякими попытками подрыва единства партии, откуда бы они ни исходили и кем бы они ни возглавлялись»⁵⁷. Основными методами этой борьбы стал перевод оппозиционеров с руководящих постов на менее ответственные, а также неформальная ссылка наиболее активных представителей оппозиции в отдаленные районы СССР. Только с декабря 1925 г. по август 1927 г. из Ленинграда в другие партийные организации было откомандировано около двухсот оппозиционно настроенных коммунистов. Большинство из них получило назначения на советскую, кооперативную и хозяйственную работу низового уровня⁵⁸.

Осуществлению таких перебросок способствовали расширение и внедрение номенклатурной системы в новые сферы и уровни власти и управления. 16 ноября 1925 г. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло постановление «О порядке подбора и назначения работников»⁵⁹, согласно которому наряду с номенклатурами № 1 и № 2 создавался третий список — так называемая ведомственная номенклатура, самостоятельно формировавшаяся центральными учреждениями с ежемесячным уведомлением ЦК «о состоявшихся назначениях». Кроме того, республиканским, краевым, областным и губернским парткомам было поручено, взяв за основу перечни должностей, учитываемых Центральным комитетом, приступить к выработке номенклатур местных партийных органов⁶⁰. Таким образом, сохраняя непосредственный контроль за персональным

составом центральных комитетов коммунистических партий национальных республик, краевых, областных и губернских комитетов, ЦК делегировал этим органам полномочия самостоятельно расставлять кадры на более низких этажах партийной иерархии, в очередной раз расширяя политическое пространство, на котором выборность партийных и иных органов подменялась их назначением.

При господстве номенклатурной системы, когда занятие любой ответственной должности напрямую зависело от Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК, попытки оппозиции апеллировать к массам были обречены на неудачу. Одна из них — демонстрация, организованная 7 ноября 1927 г. в честь десятилетия Октябрьской революции, — была объявлена серьезнейшим нарушением внутрипартийной дисциплины и умело использована И. В. Сталиным в качестве очередного повода для дискредитации своих политических противников. Неделю спустя, 14 ноября 1927 г., ЦК и ЦКК приняли решение об исключении Г. Е. Зиновьева и Л. Д. Троцкого из рядов партии⁶¹.

Судьба остальных участников троцкистско-зиновьевского блока, объявленных «рупором сил, враждебных режиму пролетарской диктатуры», была определена состоявшимся в декабре 1927 г. XV съездом ВКП(б). В резолюции, принятой по его итогам, принадлежность к оппозиции и пропаганда ее взглядов признавались несовместимыми с пребыванием в ВКП(б). На этом основании съезд исключил из партии сразу 75 наиболее активных оппозиционеров, среди которых оказались такие известные партийно-советские деятели, как П. А. Залуцкий, Л. Б. Каменев, М. М. Лашевич, К. Б. Радек, И. Т. Смилга, И. Н. Смирнов, Л. С. Сосновский. Одновременно с ними только за два месяца, прошедшие с 15 ноября 1927 г., из ВКП(б) были исключены еще 2288 оппозиционеров местного масштаба⁶². К началу 1928 г. примерно полторы тысячи коммунистов подверглись арестам и заключению в тюрьмы⁶³. Вскоре многих из них отправили в ссылку в отдаленные районы СССР.

* * *

Исключение из партии оппозиционно настроенных коммунистов сталинское руководство ЦК пыталось компенсировать ростом численности ВКП(б) прежде всего за счет так называемого рабочего ядра. В начале ноября 1927 г. ЦК постановил в связи с десятилетним юбилеем Октябрьской революции в массовом порядке принять в ВКП(б) «активистов-рабочих и активисток-работниц (в том числе и рабочих-комсомольцев), участвующих в работе Советов, профессиональных союзов, производственных совещаний, кооперации, культурных организаций, добровольных обществ»⁶⁴. В ходе этой кампании, длившейся с ноября 1927 по январь 1928 г., численность ВКП(б) увеличилась на 108,1 тыс. чел.⁶⁵ В результате к началу 1928 г. в партии уже имелось 913,2 тыс. членов и 391,2 тыс. кандидатов в члены⁶⁶, что в совокупности составляло 1394,4 тыс. чел. Последнее означало, что после «генеральной чистки» 1921 г. ряды РКП(б) — ВКП(б) выросли в 2,3 раза. В свою очередь, стремительный рост партии повлиял на ее социальный, возрастной, образовательный и гендерный состав.

Большевики всегда позиционировали себя как организацию рабочего класса. Однако на самом деле к началу 1928 г. доля рабочих «от станка» среди членов и кандидатов в члены ВКП(б) равнялась всего 35,2 %. Почти столько же — 34,1 % — составляли служащие различных учреждений и младший обслуживающий персонал, 13,4 % — крестьяне, занятые исключительно сельским хозяйством, 6,3 % — служившие в Красной армии, 1,2 % — батраки, оставшиеся 9,8 % относились к категории «прочих»⁶⁷. Другими словами, несмотря на предпринимавшиеся усилия, руководство ВКП(б) не добилось превращения партии в социально однородную организацию и тем более в социальный монолит.

Сопоставление сведений о возрасте членов партии накануне «генеральной чистки» 1921 г. и по итогам Всесоюзной партийной переписи, проведенной в начале января 1927 г., свидетельствует о постепенном «взрослении» членов РКП(б) — ВКП(б). За указанное время доля коммунистов в возрасте 24–29 лет выросла с 30,0 до 35,0 %, 30–39 лет — с 30,0 до 36,8 %, 40 лет и старше — с 14,0 до 17,4 %. Относительный рост указанных возрастных когорт произошел за счет заметного (с 25,0 до 11,3 %) уменьшения удельного веса членов РКП(б) — ВКП(б) в возрасте от 18 до 23 лет⁶⁸. Видимо, сказалось внесенное в августе 1922 г. в Устав РКП(б) требование, чтобы юношей и девушек до 20 лет принимали в партию только в том случае, если они состояли в рядах Коммунистического союза молодежи.

В то время как средний возраст коммунистов увеличивался, состав ВКП(б) по партийному стажу, напротив, «помолодел». Если в 1922 г. в РКП(б) имелось примерно 10,4 тыс. коммунистов с партийным стажем до 1917 г., то в начале 1927 г. их осталось не более 9,0 тыс. чел., а удельный вес сократился с 2,7 до 1,1 % соответственно. Согласно Всесоюзной партийной переписи 1927 г., 61,8 % всех членов ВКП(б) получили свои партийные билеты не ранее 1922 г., т. е. уже в условиях нэпа. По терминологии того времени они считались «партийным молодняком».

В уровне образования коммунистов тоже произошли подвижки. Удельный вес неграмотных членов партии за 1922–1926 гг. уменьшился с 4,7 до 1,8 %, т. е. в 2,6 раза. Удельный вес коммунистов со средним образованием вырос с 6,3 до 8,8 %, а с высшим — с 0,6 до 1,0 %. Доля членов ВКП(б), имевших низшее образование, сократилась с 75,0 до 63,0 %, но произошло это во многом за счет почти двукратного (с 13,0 до 25,4 %) увеличения самоучек⁶⁹. Иначе говоря, большинство членов ВКП(б) оставались людьми малограмотными.

Устойчивой тенденцией являлось увеличение в рядах партии численности и удельного веса женщин. С начала 1922 по начало 1928 г. их доля выросла с 7,8 до 12,8 %⁷⁰. Вовлечение в партию женщин, безусловно, свидетельствовало о некотором повышении общественно-политической активности этой огромной и продолжавшей оставаться в основном инертной массы населения. Но оно едва ли могло положительно повлиять на качественный состав партии и ее авангардную роль в советском обществе. Скорее наоборот. Женщины оставались наименее грамотными и самостоятельными членами ВКП(б). В результате они играли в партии роль пассивного и послушного руководству резерва.

Отмеченные изменения в численности и составе ВКП(б) привели к заметной трансформации ее в качестве социального лифта. К 1928 г. основание партийной

конструкции значительно расширилось, а высота и этажность — увеличились. Ее первый этаж составляли 43 224 первичные коммунистические ячейки и 3557 кандидатских групп, которыми руководили бюро ячеек и секретари. Членами бюро 27 318 ячеек, о которых имеются сведения, состояли 103 433 чел., т. е. около 4 чел. в среднем. Если ориентироваться на эту последнюю цифру, то членами бюро ячеек и кандидатских групп являлись примерно 177 тыс. чел. Почти половина членов бюро ячеек — 50,3 % — были избраны в состав бюро впервые, а еще больше — 55,2 % — были молодыми коммунистами, так как имели партстаж с 1924 г.

Наряду с секретарями и членами бюро, на нижнем этаже существовал также многочисленный (по крайней мере — официально) актив, именовавшийся «руководящими ячейковыми работниками». В него входили председатели организационных комиссий, агитаторы и всевозможные организаторы (агитпропработы, работы среди женщин, среди военных, среди членов ВЛКСМ, с юными пионерами, групповые, звеновые), а также на промышленных предприятиях — секретари цеховых ячеек и цеховые парторганизаторы⁷¹. В результате к 1928 г. почти каждый пятый коммунист за недолгий срок своего пребывания в РКП(б) — ВКП(б) повысил свой статус, получил определенные обязанности и права, выделившие его из общепартийной массы.

Многие коммунисты, которым не досталось руководящих должностей в пределах ячеек, тоже не остались без того или иного портфеля. Комячейки продвигали своих членов в низовой советский, профсоюзный, кооперативный аппараты и т. п. В результате коммунисты становились членами сельсоветов и волисполкомов, правлений профсоюзов, фабзавкомов, касс взаимопомощи, кооперативов, кресткомов и других структур. Все это свидетельствовало о том, что нахождение на нижнем этаже партийной иерархии создавало рядовым членам ВКП(б) благоприятные возможности не только для вертикальной, но и для горизонтальной мобильности, чем они широко пользовались.

Важную роль в функционировании РКП(б) — ВКП(б) всегда играли партийные конференции разного уровня и съезды, делегаты на которые, как правило, избирались. Почти каждый коммунист рассматривал участие в работе конференции и тем более съезда не только как доверие со стороны товарищей по партии, но и как необходимую ступеньку для продвижения вверх. Имеются неполные сведения, согласно которым в 1927 г. состоялось 230 уездных, 130 окружных, 35 губернских, 18 областных конференций и 6 съездов коммунистических партий национальных республик. В волостных партконференциях приняли участие 6917 чел., в сельских районных — 41 114, в уездных — 24 859, окружных — 22 323 чел., в губернских — 7761, областных — 3103 и в съездах национальных компартий — 1967 чел.⁷²

В период нэпа численность делегатов партийных конференций и съездов неуклонно увеличивалась, а объем социальных перемещений возрастал. В качестве примера можно привести сведения об общепартийных съездах: если на состоявшемся в апреле 1922 г. XI съезде РКП(б) присутствовало 687 чел., то на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. число делегатов достигло 1669 чел.⁷³ Конференции и съезды, в работе которых только в 1927 г. участвовали более ста

тысяч коммунистов разного статуса, являлись важным инструментом, благодаря которому обеспечивался огромный объем восходящей внутрипартийной мобильности.

Еще большее значение для коммунистов имело их избрание в руководящие партийные органы — комитеты. Благодаря росту численности партийных рядов и одновременно проводившемуся районированию, в результате которого произошел переход административно-территориального устройства России от трехзвенной (волость — уезд — губерния) к двухзвенной (район — округ) системе управления, намного сложнее стала внутренняя структура ВКП(б), изменились высота и профиль партийной пирамиды. В конце 1927 г. она насчитывала не менее десятка этажей. Их последовательно составляли 1240 волостных комитетов, 1624 сельских районных, 271 уездный, 205 городских, 131 окружной, 36 губернских, 15 областных и 6 центральных комитетов коммунистических партий национальных республик. Членами волостных комитетов являлись 7473 чел., сельских районных — 19 398, уездных — 6597, городских — 6778, окружных — 5957, губернских — 1840, областных — 876, центральных комитетов национальных коммунистических партий — 407 чел.⁷⁴ В совокупности в комитетах разного уровня, не считая ЦК ВКП(б), в качестве ответственных работников трудились 49 326 профессиональных партаппаратчиков.

При анализе данных о парткомах обращают на себя внимание несколько обстоятельств. Как ни странно, в 1923–1927 гг. численность парткомов на уездном, окружном, губернском, областном и краевом уровнях никак сверху не регламентировалась. Это позволяло местным парторганизациям принимать решение по данному вопросу самостоятельно. В результате только за время с XIII до XV съезда количество членов уездных, окружных, губернских и областных/краевых комитетов в среднем почти удвоилось. В земледельческой полосе оно составляло 51 чел., а в Центрально-промышленном районе — 72 чел. на один губком. В Одесской и Харьковской парторганизациях, насчитывавших 11 869 и 19 767 коммунистов, были избраны парткомы соответственно из 93 и 140 членов. Причины, по которым внутри местных парторганизаций происходили столь многочисленные восходящие перемещения, никак не объяснялись, но чаще всего были банальны: пребывание в любом парткоме означало получение тех или иных привилегий и/или благ, официальных или неформальных.

Другим серьезным изменением в то же время стали резкое обновление состава парткомов и вызванное этим обновлением уменьшение партийного стажа их членов. Данные процессы проходили, с одной стороны, за счет уменьшения среди членов комитетов бывших «подпольников» и вступивших в РКП(б) до 1920 г., с другой — за счет увеличения количества коммунистов, принятых в партию с 1924 г. Даже автор журнала «Известия ЦК ВКП(б)» был вынужден признать, что «столь форсированное обновление этого кадра партии... вряд ли можно считать правильным»⁷⁵. Тем не менее сталинское большинство ЦК партии благосклонно смотрело на такое «самоуправство» местных парторганизаций, которое их руководство лукаво объясняло «орабочиванием» парткомов и демократизацией партийной жизни. В действительности цель ускоренной внутрипартийной мобильности заключалась в вытеснении старшего поколения коммунистов,

отличавшегося относительно большей самостоятельностью суждений и независимостью поведения, заметно более послушным и управляемым «партийным молодняком», из которого на местах формировалась новая, сталинская партийная элита.

Противоречивые изменения произошли на самой вершине партийной пирамиды. В апреле 1922 г. 49,6 % всех делегатов XI съезда РКП(б) являлись коммунистами, вступившими в партию до 1917 г.⁷⁶ В декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) данная категория коммунистов составила только 38,5 % делегатов⁷⁷. За это же время численность ЦК выросла с 46 чел. (27 членов и 19 кандидатов) до 121 чел. (71 член и 50 кандидатов), т. е. увеличилась в 2,6 раза. Но удельный вес в составе ЦК членов партии, имевших дореволюционный стаж, остался на прежнем уровне — 90,9 %, хотя из ВКП(б) только что была исключена большая группа профессиональных революционеров. Последнее позволяет сделать как минимум два важных вывода: во-первых, И. В. Сталин не побоялся расколоть «старую партийную гвардию», чего так опасался В. И. Ленин, и смог опереться на большую ее часть; во-вторых, попасть на партийный олимп (в ЦК) или хотя бы к его подножию (съезд партии) для многих представителей «старой гвардии» оказалось важнее, чем встать на защиту остатков внутривластной демократии.

Правда, в порядке некоторого оправдания тех, кто поддержал И. В. Сталина в борьбе с троцкистско-зиновьевской оппозицией, нужно сказать, что о замыслах, которые обсуждались на самой вершине властной пирамиды, знали лишь единицы, а догадывались в лучшем случае десятки коммунистов. Весьма показателен политический финт, который совершил И. В. Сталин в январе — феврале 1928 г. во время поездки в Сибирь. Расправившись с объединенной оппозицией, он круто изменил политический курс по отношению к крестьянству, по сути взяв на вооружение взгляды Л. Д. Троцкого. Это привело к расколу в рядах бывшей троцкистской оппозиции. Фактическое свертывание нэпа, выразившееся в усилении административного нажима на крестьянство, было по-разному воспринято политическими противниками И. В. Сталина. Если одни правильно считали новую политическую линию «очередным маневром», то другие наивно расценили ее как принятие по-настоящему «левого курса», вызванного обострением классово-политической борьбы в деревне⁷⁸.

Оппозиционеры, поверившие в пересмотр И. В. Сталиным генеральной линии партии, были убеждены в том, что в новых условиях именно им следует доверить проведение «левого курса» в жизнь, и стали добиваться политической реабилитации. Бывший член Киевской партийной организации А. И. Ломов, находившийся в ссылке в г. Камень, писал: «Каждый из нас, который вел жесточайшую борьбу против партии, будучи, правда, убежден в своей правоте... должен сейчас найти в себе большевистское мужество, чтобы прийти с повинной к своей партии и заявить “Партия всегда права”»⁷⁹. В 1928–1929 гг. после публичного «покаяния» многие бывшие троцкисты получили возможность вернуться из ссылки и даже были вновь приняты в ВКП(б), но уже не на ключевые партийно-советские должности.

Допуская в ряды ВКП(б) тех, кого совсем недавно И. В. Сталин клеймил как злейших врагов партии, генеральный секретарь рассчитывал использовать

их в очередном раунде внутривнутрипартийной борьбы. Поверженная троцкистская оппозиция, уже не представлявшая какой-либо угрозы для нового вождя, действительно оказалась «полезна» генеральному секретарю, но только не для проведения в жизнь «левого курса», как думали сами оппозиционеры, а для борьбы с теми, кто вскоре будет зачислен в ряды «правых»: с Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым, М. П. Томским и их единомышленниками.

В 1928 г. во время борьбы с оппозицией ЦК покончил с «разгулом демократии» на местах при определении численности членов парткомитетов. Были выработаны и утверждены типовые штаты партаппарата разного уровня, в соответствии с которыми к 1 октября 1928 г. его количество предполагалось сократить на 2,5 тыс. чел., в том числе в губкомах — на 16,7 %, обкомах/крайкомах и центральных комитетах национальных компартий — на 19,5 % и горрайкомах — на 33,3 %. Волостным комитетам разрешалось иметь одну штатную единицу, сельским райкомам — до 6, горрайонным комитетам — от 3 до 9, уездным — от 7 до 12, окружным — от 4 до 18, губернским — от 15 до 18, областным/краевым — от 26 до 36, Московскому и Ленинградскому комитетам — по 54, ЦК Украины — 84 ответственных работника. Кроме того, каждому парткому полагался обслуживающий, технический и иногда вспомогательный персонал⁸⁰.

Принципиально важно, что в 1928 г. были приняты меры по повышению квалификации («качества») секретарей комячеек, а в действительности — по стабилизации его корпуса. Во всех производственных ячейках, причем независимо от количества в них коммунистов, вводилась одна платная единица, а при необходимости разрешалось делать доплату секретарям ячеек, т. е. они переводились в ранг профессиональных партаппаратчиков. В целях привлечения на эту должность более грамотных коммунистов зарплата секретарей повышалась до уровня зарплаты квалифицированных рабочих, членов фабзавкомов или партмаксимума. Зарплату секретарей волостных и сельских райкомов предлагалось увеличить до уровня советских служащих соответствующего масштаба. Для повышения квалификации секретарей предусматривалось их обучение, вводилась система специальных отпусков⁸¹.

Еще одним инструментом регулирования внутривнутрипартийной социальной мобильности стала переброска руководящих кадров на производство. 7 января 1929 г. ЦК ВКП(б) постановил в течение двух месяцев мобилизовать «из состава работников преимущественно центральных учреждений, имеющих опыт руководящей работы, не менее 50 чел. для длительной работы у станка и в низовых органах на крупнейших предприятиях»⁸². 20 марта 1929 г. «Известия ЦК ВКП(б)» опубликовали статью, разъяснявшую и уточнявшую официальный смысл данной директивы. По замыслу высшего партийного руководства, эта мобилизация должна была стать началом «большой и повсеместно проводимой работы по посылке к станку и в низовые органы руководящих работников, так называемых «ответственных коммунистов»»⁸³. Официально цель кампании заключалась, с одной стороны в обновлении партийно-советского аппарата путем выдвижения на освободившиеся должности новых кадров, с другой — в налаживании партийной работы на предприятиях, число которых в условиях начавшейся

индустриализации росло. На самом же деле такие переброски нередко выполняли функцию «почетной ссылки» для оппозиционно настроенных, колебавшихся или просто неугодных коммунистов. В конце 1920-х годов практика перевода с ответственной партийной на низовую хозяйственную работу стала одной из самых распространенных процедур, с помощью которых осуществлялась нисходящая социальная мобильность руководящих партийных кадров.

* * *

Коммунистическая партия большевиков представляла собой уникальный политический институт и, соответственно, не менее уникальный социальный лифт. Цели и задачи партии определяли ее съезды и избираемый ими Центральный комитет. Они же формулировали основные параметры и характеристики этого института в качестве лифта: условия индивидуального и группового попадания в лифт и исключения из него; размеры (численность), однородность (состав) и внутреннюю структуру (высоту и профиль) лифта; правила поведения в нем и критерии перехода с одного этажа партийной иерархии на другой; объем социальных перемещений, направления и скорость движения; механизмы, инструменты и процедуры, которые обеспечивали работоспособность лифта.

За не слишком продолжительный, но богато насыщенный событиями период нэпа РКП(б) — ВКП(б) как социальный лифт претерпела значительные изменения. В этом качестве она функционировала по довольно часто менявшимся и иногда прямо противоположным правилам. С одной стороны, руководство РКП(б) — ВКП(б) стремилось к тому, чтобы партия не только по названию, но и по составу была пролетарской. С этой целью оно ужесточило условия приема в партию для всех категорий населения, сохранив преференции для рабочих и красноармейцев. С другой стороны, возглавляемый И. В. Сталиным ЦК неоднократно нарушал уставные нормы, проводя целые кампании по набору в партию новых членов, во время которых широко распахивал двери в лифт то для «коренных пролетариев», то для рабочих «от станка», то для активистов из рабочих и работниц. Иногда пополнение принимало не индивидуальный, а коллективный, массовый характер. Рост численности рядов РКП(б) — ВКП(б) значительно увеличил высоту партийной пирамиды и количество ее этажей, изменил профиль лифта. Как следствие, в партаппарате возникли новые вакантные должности и появилась потребность в дополнительных руководящих кадрах, что усилило привлекательность РКП(б) — ВКП(б) как социального лифта и повысило ее роль в социальных перемещениях.

В дальнейшем сталинский ЦК добивался искусственного расширения состава парткомов разного уровня за счет избрания в них рабочих «от станка», выдвижения «молодых» коммунистов, в том числе «ленинского призыва», на ответственные должности, хотя ни те ни другие не имели для такого повышения ни надлежащих знаний, ни должного опыта. Несмотря на это, инспирированная сверху форсированная восходящая мобильность партийного «молодняка» повысила авторитет РКП(б) — ВКП(б) в рабоче-крестьянской среде. Допустив в 1924–

1927 г. в ходе выборов в уездные, окружные, губернские и областные парткомы почти двукратное увеличение их членов, сталинский ЦК получил надежную опору в лице элиты среднего уровня.

В основном неписаными, но учитывавшимися условиями для продвижения коммунистов на верхние этажи партийной иерархии и получения ими высокого социального статуса являлись, как правило, продолжительность пребывания в партии, авторитет в широких коммунистических кругах, проверяемый через разного рода выборы, наличие опыта партийной, советской, профсоюзной или хозяйственной деятельности, следование линии ЦК и преданность вождю.

При жизни В. И. Ленина наибольшие шансы на карьерный рост имели прежде всего представители «старой партийной гвардии». После занятия И. В. Сталиным должности генерального секретаря ЦК и введения номенклатурной системы изменился порядок назначения на высшие партийно-советские должности, что повлекло за собой использование новых критериев социальной мобильности сначала на верхних, а затем и на всех остальных этапах партийной иерархии. Снизились частота использования и значение демократической процедуры выборов. Важнейшую роль при формировании партийной элиты стала играть преданность генеральному секретарю ЦК, которая доказывалась активной поддержкой его курса и борьбой против оппозиции. Институционализация номенклатурного подхода была успешно использована И. В. Сталиным сначала для устранения оппозиционной контрэлиты с верхних этажей партийной пирамиды, а затем и безжалостного исключения ее из рядов ВКП(б). К концу нэпа партия как лифт претерпела существенные изменения. Из стихийно разраставшегося политического института она трансформировалась в хорошо отлаженный механизм, оказывавший решающее влияние на социальную стратификацию советского общества в целях построения социализма в СССР.

¹ См., напр.: *Бондарь В. А., Воробьев С. В., Горбачев О. В., Мазур Л. Н., Яркова Е. И.* «...С Лениным в башке и с наганом в руке»: коллективный портрет Екатеринбургской губернской организации РКП(б), 1919–1923. Екатеринбург, 2019. С. 248–264.

² *Джавланов О. Т., Михеев В. А.* Номенклатура: эволюция отбора. М., 1993; *Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38; *Пашии В. П., Свириденко Ю. П.* Коммунистическая номенклатура: истоки, сущность, содержание. М., 1995; *Павлюченков С. А.* «Новый класс» и становление системы государственного абсолютизма // Россия нэповская / под общ. ред. А. Н. Яковлева. М., 2002. С. 169–207; *Зеленов М. В.* Рождение партийной номенклатуры // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 3–24; № 3. С. 3–16; и др.

³ *Бадковский Д. В.* Советская политическая элита: от «организации профессиональных революционеров» к номенклатурной системе // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1995. № 1. С. 22–36; *Березкина О. С.* Революционная элита переходного периода (1921–1927) // Свободная мысль: теоретический и политический журнал. 1997. № 11. С. 56–79; *Саранцев Н. В.* Большевицкая властвующая элита: возникновение, становление и трансформация, 1900–1939. Саратов, 2001; *Чистиков А. Н.* Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007; *Кислицын С. А.* Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. М., 2011.

⁴ *Головин С. А.* Членство в РКП(б) — ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса (1920–1930-е гг.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 33–43; *Биццоха В. Г.* Членство

в РКП(б) — ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса в 1918 — начале 1920-х (на примере Саратовской парторганизации) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 4. С. 123–125. — Сравнение текстов публикаций В. Г. Бициохи и С. А. Головина позволяет утверждать, что В. Г. Бициоха осуществил некорректные заимствования из статьи своего предшественника.

⁵ Известия ЦК РКП(б). 1920. 4 сент. № 21. С. 1.

⁶ Известия Сибирского областного бюро РКП(б) (Омск). 1920. 12 нояб. № 12. С. 2.

⁷ Известия ЦК РКП(б). 1921. 5 марта. № 28. С. 23.

⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 41. М., 1981. С. 30.

⁹ Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933. С. 610.

¹⁰ Шишкин В. И., Пивоваров Н. Ю. «Генеральная чистка» РКП(б) 1921 года как инструмент социального регулирования в советской России // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2015. Т. 14, вып. 8. С. 141–142.

¹¹ Известия ЦК РКП(б). 1921. № 28. С. 12–13.

¹² Там же. № 29. С. 14.

¹³ Там же. № 32. С. 17; Павлюченков С. А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. С. 233.

¹⁴ В современной историографии распространено мнение о том, что результаты переписи ответственных работников якобы неизвестны. На самом деле в марте 1922 г. они были опубликованы (Известия ЦК РКП(б). 1921. № 3 (39). С. 37–44), а год спустя вкратце озвучены В. М. Молотовым на XI партийном съезде.

¹⁵ Известия ЦК РКП(б). 1921. № 36. С. 16.

¹⁶ Там же. С. 15.

¹⁷ Там же. 1922. № 3 (39). С. 37.

¹⁸ Там же. № 1 (37). С. 37.

¹⁹ Там же.

²⁰ Сборник инструкций по учету и распределению партработников. М., 1923. С. 8–12.

²¹ См. об этом: Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия... С. 134.

²² См., напр.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 34. Д. 54. Л. 1–33; Д. 55. Л. 1–189.

²³ Известия ЦК РКП(б). 1922. № 1 (37). С. 37.

²⁴ Там же. 1921. № 32. С. 12–13.

²⁵ Там же. № 36. С. 5.

²⁶ Там же. 1922. № 1. С. 31.

²⁷ Подсчитано по: Там же. № 3 (39). С. 40.

²⁸ Справочник партийного работника. М., 1922. Вып. 2. С. 79.

²⁹ Известия ЦК РКП(б). 1922. № 7. С. 13.

³⁰ Там же. С. 21.

³¹ Протоколы Одиннадцатого съезда РКП(б). М., 1936. С. 577–578.

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 145. Л. 102; Протоколы Одиннадцатого съезда РКП(б). С. 386.

³³ Орлинский С. К вопросу об укреплении и новых задачах партии // Правда. 1922. 28 марта.

³⁴ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 3. Оп. 22. Д. 88. Л. 59.

³⁵ Сырцов С. И. Ближайшие задачи в области учета и распределения // Известия ЦК РКП(б). 1923. № 1. С. 12.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 106. Л. 56.

³⁷ Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1968. С. 705.

³⁸ Известия ЦК РКП(б). 1923. № 5. С. 32.

³⁹ Там же. № 9–10. С. 33.

⁴⁰ Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Из архива Льва Троцкого: в 4 т. / сост. Ю. Фельштинский. Т. 1. Benson, 1988. С. 84.

⁴¹ Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевиков). М., 1924. С. 124, 126.

- ⁴² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3: 1922–1925. М., 1984. С. 157.
- ⁴³ Там же. С. 184.
- ⁴⁴ Известия ЦК РКП(б). 1924. № 2. С. 7.
- ⁴⁵ Ленинский призыв РКП(б): сборник. М.; Л., 1925. С. 13.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 424. Л. 9.
- ⁴⁷ *Морозова Т. И., Шишкин В. И.* «Политику внутри партии... я считаю началом растратывания ленинского наследия». Переписка Е. М. Ярославского и Е. А. Преображенского о чистке непродушенных ячеек РКП(б) (конец марта — начало апреля 1924 г.) // Исторический архив. 2016. № 5. С. 101.
- ⁴⁸ Отчет Центральной контрольной комиссии РКП(б) XIV съезду партии. Май 1924 — декабрь 1925. М., 1925. С. 57.
- ⁴⁹ Там же. С. 61.
- ⁵⁰ Подсчитано по: Там же. С. 62.
- ⁵¹ Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. 23–31 мая 1924 г. М., 1924. С. 642, 647–648, 653.
- ⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 6. Л. 39.
- ⁵³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 122. Л. 28.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Известия ЦК РКП(б). 1925. № 7 (82). С. 1.
- ⁵⁶ Там же. № 15–16 (90–91). С. 10.
- ⁵⁷ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. М., 1926. С. 963.
- ⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 15. Л. 143–151.
- ⁵⁹ Известия ЦК РКП(б). 1925. № 9 (84). С. 7.
- ⁶⁰ Там же. 1926. № 1 (122). С. 4.
- ⁶¹ Там же. 1927. № 42–43. С. 1–2.
- ⁶² См. об этом: *Роговин В. З.* Власть и оппозиция. М., 1993. С. 26; *Шабалин В. В.* Пейзаж после битвы: из истории левой оппозиции на Урале. Пермь, 2003. С. 29.
- ⁶³ См. подробнее: *Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И.* Лев Троцкий: в 4 кн. Кн. 3: Оппозиционер. 1923–1929 гг. М., 2013. С. 306.
- ⁶⁴ Известия ЦК ВКП(б). 1927. № 41. С. 11.
- ⁶⁵ Приводится по: *Горбачев В. Д.* Октябрьский призыв в ВКП(б): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953. С. 10.
- ⁶⁶ ВКП(б) в цифрах. Вып. 8. М.; Л., 1928. С. 6–7.
- ⁶⁷ Там же. С. 11.
- ⁶⁸ Всесоюзная партийная перепись 1927 года. Вып. 6. М., 1927. С. 140–141.
- ⁶⁹ Всероссийская перепись членов РКП(б): 1922 года. Вып. 4. М., 1923. С. 28; Всесоюзная партийная перепись 1927 года. Вып. 5. М., 1927. С. 7. — По Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. 0,4 % опрошенных не указали сведения об уровне своего образования.
- ⁷⁰ ВКП(б) в цифрах. Вып. 8. М.; Л., 1928. С. 32; *Ризель Ф.* Женщина в ВКП(б). Регулирование роста и социального состава женщин в ВКП(б). М., 1929. С. 5.
- ⁷¹ ВКП(б) в цифрах. Вып. 8. С. 6, 44–46.
- ⁷² Там же. С. 42.
- ⁷³ Протоколы Одиннадцатого съезда РКП(б). С. 386; XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. М.; Л., 1928. С. 1104.
- ⁷⁴ ВКП(б) в цифрах. Вып. 8. С. 40–41. — Данные неполные, только о ЦК компартий Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Туркменистана и Узбекистана.
- ⁷⁵ *Торлин З.* О составе руководящих кадров местных парторганизаторов // Известия ЦК ВКП(б). 1928. № 20. С. 14–15.
- ⁷⁶ Подсчитано по: Протоколы Одиннадцатого съезда РКП(б). С. 701–715.
- ⁷⁷ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стеногр. отчет. С. 1106.
- ⁷⁸ См. подробнее: *Шишкин В. И.* Командировка И. В. Сталина в Сибирь 15 января — 6 февраля 1928 г. // Наука из первых рук. 2014. № 3/4. С. 160.
- ⁷⁹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-6. Оп. 4. Д. 39. Л. 166.

⁸⁰ Известия ЦК ВКП(б). 1928. № 27 (248). С. 6–8.

⁸¹ Гроссман В. К постановлению ЦК о партаппарате // Там же. С. 1–2.

⁸² Там же. 1929. № 4 (263). С. 10.

⁸³ Гуревич Д. О посылке руководящих работников на предприятия // Там же. № 7 (266).

С. 1.

Статья поступила в редакцию 26 февраля 2020 г.

Рекомендована в печать 4 сентября 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Морозова Т. И., Шишкин В. И. Коммунистическая партия большевиков как советский социальный лифт в условиях новой экономической политики // *Новейшая история России*. 2020. Т. 10, № 4. С. 902–932. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.406> УДК 94 «1921/1929» + 316.444:329.15

Аннотация: В статье предпринята попытка с позиций теории социальной мобильности проанализировать и проинтерпретировать процессы, которые происходили в период нэпа в РКП(б) — ВКП(б) как в социальном лифте. Статья написана с учетом достижений отечественной историографии и базируется на широком круге опубликованных и неопубликованных источников. Авторы выяснили условия, которые партийное руководство предъявляло к желающим «войти» в лифт, численность и социальный состав пополнений, механизмы, инструменты и процедуры, применявшиеся для осуществления перемещений в лифте между этажами, а также объем этих перемещений; проследили трансформацию партии как социального лифта и ее влияние на мобильность в советском обществе. Благодаря массовому пополнению рабочими высота партийной пирамиды быстро росла, ее структура и профиль усложнились, что увеличило внутренний потенциал мобильности. Форсированное выдвигание в руководящие партийные органы молодых коммунистов, расширение численности парткомов искусственно вызвали восходящую внутрипартийную мобильность и формирование новой генерации элиты среднего звена. Применение номенклатурной системы назначения на верхних этажах партийной иерархии завершило процесс отстранения РКП(б) — ВКП(б) в качестве подконтрольного сталинскому ЦК социального лифта. В результате к концу нэпа влияние ЦК на социальную стратификацию советского общества стало решающим. Занятие И. В. Сталиным должности генерального секретаря ЦК и введение номенклатурной системы для назначения на высшие партийно-советские должности обусловили изменение критериев социальной мобильности на верхних, а затем и на всех остальных этажах партийной иерархии. Снизились частота использования и значение демократической процедуры выборов. К концу нэпа партия как лифт трансформировалась из стихийно разраставшегося политического института в хорошо отлаженный механизм, оказывавший решающее влияние на социальную стратификацию советского общества.

Ключевые слова: нэп, коммунистическая партия, партийное руководство, социальный лифт, мобильность, номенклатурная система, элита.

Сведения об авторах: Морозова Т. И. — канд. ист. наук, науч. сотр., Институт истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия); mti137@yandex.ru | Шишкин В. И. — д-р ист. наук, проф., гл. науч. сотр., Институт истории Сибирского отделения РАН; проф. Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия); patric@academ.org

Институт истории Сибирского отделения РАН, Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Новосибирский государственный университет, Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

FOR CITATION

Morozova T. I., Shishkin V. I. 'Communist Party of Bolsheviks as a Soviet Social Elevator in the Context of the New Economic Policy', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 4, 2020, pp. 902–932. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.406> (In Russian)

Abstract: The authors analyze and interpret the processes that occurred during the New Economic Policy (NEP) period in the Russian Communist Party (bolsheviks) (RCP(b)) — All-Union Communist Party (bolsheviks) (AUCP(b)) as a “social elevator” from the standpoint of the theory of social mobility. The article takes into account the achievements of national historiography and is based on a wide range of published and unpublished sources. The authors reveal conditions that the party leadership imposed on those who wanted to “enter” the elevator; the number and social composition of replacements; the mechanisms, instruments, and procedures used to carry out movements between floors, as well as the volume of these movements; the transformation of the party as a social elevator; and its impact on mobility in Soviet society. The authors conclude that, thanks to the mass recruitment of workers, the height of the party pyramid quickly increased, and its structure and profile became more complex, which increased the potential for internal mobility. The forced promotion of young Communists into leading party bodies and the expansion of the number of party committees artificially caused upward intra-party mobility and the formation of a new generation of middle-level elites. The use of the *nomenklatura* system for appointing to the upper floors of the party hierarchy completed the process of rebuilding the RCP(b) — AUCP(b) as a social elevator controlled by Stalin’s Central Committee. As a result, by the end of NEP, the party’s influence on social stratification in Soviet society became decisive.

Keywords: New Economic Policy, Communist party, party leadership, social elevator, mobility, nomenclature system, elite.

Authors: *Morozova T. I.* — PhD in History, Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); mti137@yandex.ru | *Shishkin V. I.* — Dr. Sci. in History, Professor, Chief Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); patric@academ.org

Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, ul. Nikolaeva, Novosibirsk, 630090, Russia

Novosibirsk State University, 1, ul. Pirogova, Novosibirsk, 630090, Russia

References:

- Badovsky D. V. ‘Soviet political elite: from the “organization of professional revolutionaries” to the nomenclature system’, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki*, no. 1, 1995. (In Russian)
- Berezkina O. S. ‘The Transitional Revolutionary Elite (1921–1927)’, *Svobodnaia mysl’: teoreticheskii i politicheskii zhurnal*, no. 11, 1997. (In Russian)
- Bitziokha V. G. ‘Membership in the RCP(b) as the way of improving social status in the 1918 — beginning of the 1920s (based on example of the Saratov region)’, *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*, no. 4, 2010. (In Russian)
- Bondar V. A., Vorobyev S. V., Gorbachev O. V., Mazur L. N., Yarkova E. I. “...With Lenin in our Heads and a Gun in our Hands”: *Collective Portrait of the Russian Communist Bolshevik Party in Ekaterinburg Region in 1919–1923* (Yekaterinburg, 2019). (In Russian)
- Chistikov A. N. *Party and state bureaucracy of the North-West of Soviet Russia of the 1920s* (St. Petersburg, 2007). (In Russian)
- Communist opposition in the USSR. 1923–1927. From the archive of Leo Trotsky*, ed. by Yu. Felshtinsky, vol. 1 (Benson, 1988). (In Russian).
- Dzhavlanov O. T., Mikheev V. A. *Nomenclature: the evolution of selection* (Moscow, 1993). (In Russian)
- Felshtinsky Yu. G., Chernyavsky G. I. *Leon Trotsky*, in 4 vols, vol. 3. *Oppositionist. 1923–1929* (Moscow, 2013). (In Russian)
- Golovin S. A. ‘Joining RKP(b) — VKP(b) as the Main Way for Social Ascent, 1920s — 1930s’, *Voprosy istorii*, no. 3, 2008. (In Russian)
- Gorbachev V. D. *Oktiabrskii prizyv v VKP(b) (1927 god)* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 1953). (In Russian)
- Kislitsyn S. A. *Counter-elites, oppositions and fronts in the political history of Russia* (Moscow, 2011). (In Russian)
- Korzikhina T. P., Figatner Yu. Yu. ‘Soviet nomenclature: formation, mechanisms of action’, *Voprosy istorii*, no. 7, 1993. (In Russian)
- Morozova T. I., Shishkin V. I. “I consider politics within the party to be the beginning of wasting Lenin’s inheritance”. Correspondence between E. M. Yaroslavsky and E. A. Preobrazhensky on the cleaning of

- non-production cells of the RCP(b) (late March — early April 1924)', *Istoricheskii arkhiv*, no. 5, 2016. (In Russian)
- Pashin V. P., Sviridenko Yu. P. *Communist nomenclature: origins, essence, content* (Moscow, 1995). (In Russian)
- Pavlyuchenkov S. A. "'New Class" and the making of a system of state absolutism', *Rossii nepovskaia*, ed. by A. N. Yakovlev (Moscow, 2002). (In Russian)
- Pavlyuchenkov S. A. *"Order of the Swordsmen". Party and power after the revolution. 1917–1929* (Moscow, 2008). (In Russian)
- Rogovin V. Z. *Power and Opposition* (Moscow, 1993). (In Russian)
- Sarantsev N. V. *The Bolshevik ruling elite: emergence, formation and transformation, 1900–1939* (Saratov, 2001). (In Russian)
- Shabalin V. V. *Landscape after the battle: from the history of the left opposition in the Urals* (Perm, 2003). (In Russian)
- Shishkin V. I., Pivovarov N. Yu. "'General purge" of the RCP(b) in 1921 as an instrument for social control', *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istorii, filologiya*, vol. 14, no. 8, 2015. (In Russian)
- Shishkin V. I. 'Stalin's trip to Siberia, January 15 — February 6, 1928', *Nauka iz pervykh ruk*, no. 3/4, 2014. (In Russian)
- Zelenov M. V. 'The birth of party nomenclature', *Voprosy istorii*, no. 2–3, 2005. (In Russian)

Received: February 26, 2020

Accepted: September 4, 2020